

УДК 314.04(477.75)

А. В. Баранов

Этнодемографические процессы в сельских сообществах Крыма: пространственный аспект

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Российская Федерация
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. Автор статьи выясняет тенденции развития этнодемографических процессов в сельских сообществах Крыма (2001–2020 гг.). Работа выполнена на основе конструктивистской парадигмы. Внимание сосредоточено на изменениях ареалов расселения основных народов Крыма, влиянии социально-экономических и политических факторов на этническую географию сельских сообществ полуострова. Установлено размывание ареала проживания украинцев, снижение уровня этнической мозаичности в большинстве сельских сообществ.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, Крым, сельские сообщества, пространственный аспект.

Введение

Тематика географии этнодемографических процессов в современном Крыму имеет нарастающую актуальность. Рождаемость, смертность и миграции неравномерно проявляются как среди многочисленных народов Крыма, так и в сравнении городских и сельских сообществ. При этом этнический фактор наиболее отчётливо проявляется в сельской местности. Демографические параметры (численность и плотность расселения этнических групп, компактность расселения различных народов, соотношение внутри них возрастных групп, этнический состав миграционных потоков) непосредственно влияют на социальную и политическую стабильность в Крыму. В условиях воссоединения Крыма с Россией направленность этнодемографических процессов весомо изменилась. Тема работы является остро дискуссионной, оставаясь одним из вопросов политизированной полемики между российскими и зарубежными исследователями. Особую актуальность теме придаёт предстоящая Всероссийская перепись населения 2021 г. Работа практически важна при анализе состава электората накануне выборов в Государственную Думу Российской Федерации и для составления географического атласа Крыма.

Материалы и методы

Пространственный аспект этнодемографических процессов в Крыму исследован достаточно подробно, но неравномерно. Состояние этнодемографических процессов на полуострове до 2014 г. объективно оценивается в монографии ряда видных крымских географов, социологов и политологов [1, с. 175–201, 245–256, 292–296], а также в исследованиях историков [2, с. 46–128]. Уже тогда зарубежные и украинские эксперты искажали реальные процессы, стремясь преувеличить конфликтность этнодемографических

процессов в Крыму и укрепить «образ жертвы» в сознании крымских татар и других репатриированных народов [3; 4].

В современной научной литературе исследуются изменения ареалов проживания этнических групп, влияние межрегиональной и внутрирегиональной миграции на данные ареалы. Следует упомянуть обобщающие работы И. Н. Воронина, Л. А. Ожеговой и А. Б. Швеца [5], С. Я. Суция [6], А. Н. Яковлева [7]. Специальное исследование этнополитических аспектов миграции провели Д. А. Мамина и Д. Н. Мищенко [8]. Повышенное внимание уделяется изменениям этнической географии крымских татар (работы А. Н. Яковлева [9]). Работы украинских экспертов на этом фоне отличаются слабостью эмпирической базы и односторонностью выводов [10, с. 411-438]. Некоторый интерес представляет статья британской исследовательницы Э. Кнотт о русской идентичности крымчан [11]. Но наряду с достижениями сохраняется обособленность между демографическими, географическими и этносоциальными исследованиями темы. Редко учитывается смена либо неопределённость этнического самосознания. Слабо изучены демографические факторы потенциального конфликта между постоянным населением и новосёлами.

Цель нашей работы — определить тенденции развития этнодемографических процессов в сельских сообществах Крыма с 2001 по 2020 г.

Методология исследования основана на социальном конструктивизме применительно к этничности (теоретически значимы работы Ф. Барта [12, с. 9–48], Э. Хобсбаума) [13]. Признание конструируемости этничности, её отличительных признаков и границ той или иной этнической группы обеспечивает осмысление причин двойной и гибридной этнической самооценки, дрейфа (смены) «национальности», которые ярко проявляются в постсоветском Крыму. В статье также применён компаративный метод в его кросс-темпоральном, кросс-территориальном и синхронном измерениях. Данный метод даёт возможность аргументировать изменения пространственных ареалов основных народов Крыма — русских, украинцев и крымских татар, суммарно достигающих 96% постоянного населения. Используются процедуры картографирования.

Эмпирическая основа статьи состоит из опубликованных статистических данных, отчетных докладов Госкомитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, географических карт и диаграмм. Используются также материалы проведённых с участием автора анкетного опроса крымской молодёжи ($n = 380$, две волны 2018 и 2019 г., выборка представительна по гендеру, этничности, возрастным когортам) и экспертного опроса ($n = 30$, пропорциональное участие преподавателей вузов, государственных служащих и активистов неправительственных организаций). Материалы данного анкетного опроса цитируются по первой публикации в нашей статье 2019 г. [14], а материалы экспертного опроса цитируются впервые по текущему архиву автора. Опросы проводились в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Результаты и обсуждение

Крым в качестве курортного региона, расположенного в благоприятном для земледелия и садоводства, скотоводства климате, всегда отличался повышенной долей сельского населения. Кроме того, значительная часть малых городов де-факто

имеет население с отчасти сельскохозяйственными занятиями. Так, Всеукраинская перепись населения 2001 г. зафиксировала на Крымском полуострове численность населения 2 412,9 тыс. чел., в том числе сельских жителей — 37,3%, а жителей городов с населением более 50 тыс. чел. — суммарно 1 143,2 тыс. чел. (47,4%) [15]. Региональная перепись в октябре 2014 г. установила численность населения Крымского федерального округа — 2 293,7 тыс. чел., из них 42,3% — сельских жителей (в том числе 49,0% — в Республике Крым и 8% — в г. Севастополе) [16, с. 8-9]. В среднем на сельское поселение в 2014 г. приходилось 3846,8 постоянных жителей, но размеры сел значительно различаются по районам в зависимости от природных и экономических условий [16, с. 8; 17, с. 171–172].

Политические трансформации общества всегда весомо отражались на этнической структуре крымского сообщества. Так, последняя Всесоюзная перепись в январе 1989 г., проведённая до репатриации крымских татар и других репрессированных народов, зафиксировала на полуострове население 2458,6 тыс. чел. В том числе, русские тогда составляли 66,3% жителей полуострова (в том числе 74,5% в г. Севастополе), украинцы — 25,5% (в том числе 20,7% — в г. Севастополе), крымские татары — 1,6% (в том числе 0,06% — в г. Севастополе) [18]. В течение 1990-х гг. состоялась массовая репатриация реабилитированных народов. По Всеукраинской переписи 2001 г., русские составляли 60,2% совокупного населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя, украинцы — 23,9%, крымские татары — 10,2% [15]. Согласно убедительным доводам С. А. Ефимова, уменьшение удельного веса русских на 11% произошло вследствие распада СССР, приведшего к повышению политического статуса украинцев в качестве «титальной нации». При этом смена языка русских в Крыму не происходила. Отмечались весомые приписки количества украинцев в Крыму [19, с. 182–188].

В том числе, качественные изменения этнической структуры в постсоциалистический период характерны для сельского населения Крымского полуострова.

Республика Крым и г. Севастополь, как и 25 муниципальных сообществ РК имеют качественно различную этническую структуру (см. табл. 1). Удельный вес русского населения прямо-пропорционально связан с уровнем урбанизации, тогда как удельный вес крымских татар имеет обратно-пропорциональную связь с процентом горожан в том или ином муниципальном образовании. Например, по переписи 2001 г. русские составляли 71,6% постоянных жителей г. Севастополя, 66,7% — Симферополя, 78,7% — Керчи. В то же время крымские татары составляли 0,5% севастопольцев, 7,0% симферопольцев и 1,9% керчан. В сравнении 14 сельских районов АРК наибольший удельный вес русских на 2001 г. был установлен в Ленинском районе — 54,8%, Бахчисарайском — 54,2%, Черноморском — 52,8%, а наименьший — в Краснопереконском районе — 33,2%, Первомайском — 35,1%, Джанкойском — 38,9%. Украинцы по переписи 2001 г. составляли наиболее высокую долю населения в Краснопереконском районе — 43,4%, Раздольненском — 40,1% и Первомайском — 37,9%, а наименьшую долю — в Ленинском районе — 15,5%, Нижнегорском — 16,0% и Белогорском — 16,2%. Крымские татары по переписи 2001 г. имели повышенный удельный вес в населении Белогорского и Ленинского районов — по 29,2%, Нижнегорского — 28,8% (см. табл. 1).

Перепись 2014 г. зафиксировала значительное убывание численности украинцев в Крыму, что при отсутствии сколько-нибудь массового выезда может

быть объяснено только сменой самоидентификации. По сути, русская и украинская идентичности в крымском сообществе дистанцированы и разделены по маркерам самооценки слабо, соединены переходными состояниями двойного самосознания, что подтверждают социологические опросы [14]. На 2014 г. репатриация крымских татар из стран Средней Азии в основном завершена, и в миграционном притоке стали преобладать русские.

Русское население Крыма по переписи 2014 г. имеет повышенную долю в населении Ленинского района — 64,0%, Черноморского — 63,1%, Нижнегорского — 56,6%, Бахчисарайского — 56,5%, Симферопольского — 56,1%, а наименьшую долю — среди жителей Краснопереконского района — 41,3%, Первомайского — 45,7%, Джанкойского — 46,1%. Украинское (по самооценке) население Крыма на 2014 г. в наибольшей мере сосредоточено в Краснопереконском районе — 32,5%, Раздольненском — 30,3%, Первомайском — 28,6%, Джанкойском — 23,5%, Сакском районе — 21,5%. В наименьшей степени украинцы проживают в Белогорском районе — 10,1%, Кировском — 10,7%, Бахчисарайском — 12,9%. Крымские татары (в том числе, назвавшие себя при переписи «татарами»), сконцентрированы в основном в Белогорском районе — 34,3%, Кировском — 33,2%, Советском — 28,6%, Бахчисарайском — 28,6%, Джанкойском — 26,1%. Наименьший процент крымский татар отмечен в населении Черноморского — 14,8%, Раздольненского — 16,2% и Ленинского — 17,2% постоянных жителей [16, с. 135-142].

Увеличение доли русского и крымскотатарского населения в связи с его повышенной моноэтничностью ведут к снижению этнической мозаичности большинства сельских сообществ Крыма.

Для понимания тенденций и перспектив этнодемографических процессов в Крыму нужно учесть различия возрастной структуры сравниваемых этнических групп. Например, среди русских жителей всего полуострова в 2014 г. лица младше трудоспособного возраста составляли 18%, в трудоспособном возрасте — 56%, а старше трудоспособного возраста — 26%. Украинцы имеют ещё более «пожилую» возрастную структуру: соответственно, 9, 54 и 37%. Крымские татары — наиболее «молодой» по возрастной структуре народ: младше трудоспособного возраста — 23%, в трудоспособном возрасте — 59%, старше трудоспособного возраста — 18% [16, с. 110]. Среднее число рожденных женщинами в возрасте 15 лет и более детей составляет в Республике Крым 1 534 чел., в том числе 1 534 у русских, 1 421 — украинок и 1 921 — крымских татарок [16, с. 112]. По текущему учёту численности населения (январь–февраль 2021 г.), рождаемость постоянного населения в Крыму ниже смертности на 51,1% [14]. Следовательно, в будущем удельный вес украинцев и, в меньшей мере, русских в регионе будет снижаться, а крымских татар — повышаться.

Ввиду отрицательного естественного прироста населения его численность растёт за счёт миграции. По сведениям Крымстата, за январь — апрель 2021 г. в Республику Крым прибыли 17 177 чел., а выбыли 13 426 чел. В числе прибывших — переселенцы из других субъектов Российской Федерации составили 33,6%, внутрикрымские — 36,6%, а 29,0% — из стран СНГ и 0,8% — из других зарубежных стран. Внешняя для региона миграция составляет 63,4% прибывших [20]. В сравнении с соседями — Краснодарским краем и Ростовской областью удельный вес иностранцев в миграционном потоке значительно увеличен.

Восприятие миграции в общественном мнении крымчан, бывшее в сравнении с соседними регионами Юга России повышенно-толерантным, в

последние годы становится более сдержанным и настороженным. Это подтверждает анкетный опрос молодёжи, проведённый коллективом под руководством И. В. Юрченко в 2018 и 2019 г. (выборка охарактеризована выше). Так, 28,8% опрошенных полагали, что в Республике Крым существует проблема трудовой конкуренции между постоянным населением и мигрантами. Считают, что для РК больше подходит стратегия ограничения миграции, 52,9% респондентов. Удельный вес желающих ужесточить миграционное законодательство, втрое превышает желающих его ослабить (34,0% в сравнении с 11,0%). Полагают, что мигранты чаще местных жителей совершают правонарушения, 19,5% опрошенных при том, что 27,3% не увидели разницы в уровне правонарушений.

В сравнении, экспертный опрос 2019 г., проведённый в Республике Крым с участием автора, показал, что влияние программ социальной интеграции мигрантов на эффективность национальной политики оценивается в среднем на 3,17 балла из 10 максимальных. Выражен повышенный запрос на эффективный миграционный контроль (5,17 баллов). Направленность изменений миграционной политики в Крыму оценивается экспертами противоречиво. Относительное большинство опрошенных — 45,8% считает, что миграционная политика смягчается, а 29,2% — что она ужесточается. Направленность влияния миграции в регионе воспринимается контрастно, но в целом по выборке экспертов негативные и положительные оценки уравновешены [21].

Таблица 1

Этнический состав территориальных образований Крымского полуострова по переписям населения 2001 и 2014 гг. (в % от общей численности населения)

Территориальное образование	Русские		Украинцы		Крымские татары*	
	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Бахчисарайский район	54,3	56,5	19,6	12,9	21,3	27,6
Белогорский район	49,2	52,6	16,2	10,1	29,2	34,3
Джанкойский район	38,9	46,1	33,8	23,5	21,6	26,1
Кировский район	50,5	51,9	17,6	10,7	25,5	33,2
Красногвардейский район	48,7	54,3	27,3	19,0	16,7	21,7
Краснопереконский район	33,2	41,3	43,4	32,5	17,2	21,5
Ленинский район	54,8	64,0	15,5	15,2	29,2	17,2
Нижнегорский район	50,4	56,6	16,0	19,6	28,8	20,2
Первомайский район	35,1	45,7	37,9	28,6	21,5	22,2
Раздольненский район	41,1	49,8	40,1	30,3	13,3	16,2

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Сакский район	45,2	52,2	31,5	21,5	17,5	21,8
Симферопольский район	49,4	56,1	23,5	15,0	22,2	25,3
Советский район	48,5	53,5	22,1	13,5	22,2	28,6
Черноморский район	52,8	63,1	23,0	18,9	12,7	14,8
г. Алушта	67,1	72,8	23,0	16,5	5,9	7,0
г. Армянск	55,7	61,4	36,2	29,5	3,5	4,5
г. Джанкой	59,8	68,0	25,9	16,9	8,1	9,6
г. Евпатория	64,9	73,7	23,3	14,8	6,9	7,4
г. Керчь	78,7	87,3	15,4	8,5	1,9	1,8
г. Краснопереконск	51,0	60,5	40,9	30,5	3,0	4,5
г. Саки	65,1	72,2	24,3	16,6	5,8	7,4
г. Симферополь	66,7	72,4	21,3	13,1	7,0	9,9
г. Судак	59,2	59,9	17,6	12,4	17,4	24,7
г. Феодосия	72,2	79,7	18,8	12,3	4,6	4,3
г. Ялта	65,6	74,0	27,6	19,3	1,3	2,6
Республика Крым	58,3	65,0	24,3	16,0	12,0	12,6
г. Севастополь	71,6	81,0	22,4	14,2	0,5	0,7
Крымский полуостров	60,3	67,9	24,0	15,7	10,2	12,7

**Суммированы «крымские татары» и «татары» по самооценке.
Составлено по [16, с. 135-141].*

Выводы

Влияние социально-экономических факторов на этническую географию сельских сообществ Крыма проявляется во внутрирегиональном перетоке населения из малопродуктивных северных в предгорные и прибрежные районы. Политические факторы состоят в прекращении искусственной украинизации, проводившейся до марта 2014 г. Этнические идентичности русских и украинцев в Крыму имеют гибридный характер, доминирует русский язык. Вследствие этого грань между русской и украинской этничностью размыта, с 2014 г. идет принятие русской самооценки многими украинцами. В сравнении, крымскотатарская этничность выражена более отчетливо. Ареал крымских татар расширяется ввиду повышенной рождаемости из степной части полуострова на Судак, Саки и Евпаторию, прилегающие к ним сельские районы. Трудовая миграция выступает основным источником роста численности населения Крыма, удельный вес иностранцев в миграционном потоке увеличен.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.).

Литература

1. Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. Н., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
2. Балагура О. В., Прохоров Д. А., Тур В. Г. Исторические особенности и современные проблемы этнокультурных и этнополитических процессов в Крыму. Симферополь: Антиква, 2012. 156 с.
3. Kuzio T. The Crimea: Europe's Next Flashpoint? Washington: The Jamestown Foundation, 2010. 41 p.
4. Якість життя жителів Криму та перспективи її покращання в контексті реалізації стратегії економічного та соціального розвитку АР Крим на 2011–2020 рр. // Національна безпека і оборона. Київ: Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова, 2011. № 4-5 (122-123). С. 71-135.
5. Воронин И. Н., Ожегова Л. А., Швец А. Б. Факторы и механизмы трансформации территориальной структуры и характера протекания социокультурных процессов в Республике Крым и городе Севастополе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Симферополь, 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 36–49.
6. Суший С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX – середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. Волгоград, 2018. № 4. С. 139-149.
7. Яковлев А. Н. Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 314–323.
8. Мамина Д. А., Мищенко Д. Н. Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2020. Т. 9 (44). № 4. С. 137-149.
9. Яковлев А. Н. Особенности и география социокультурных противоречий в современном Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2019. Т. 5 (15). № 2. С. 58-66.
10. Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В. П. Горбуліна, О. С. Власюка, Е. М. Лібанової, О. М. Лященко. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень, 2015. 474 с.
11. Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority?: Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below. *Social Science Quarterly*. 2015. Vol. 96, Issue 3. pp. 830–859.
12. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: Сборник статей / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
13. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. 306 с.
14. Баранов А. В. Межэтнические и конфессиональные отношения молодежи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2019. № 4 (61). С. 66–73. DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073.
15. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Всеукраинская перепись населения 2001 г. [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
16. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики, пред. редкол. А.Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
  17. Кучеров А. П., Супрычева Л. И., Засухина В. И. Типологизация сельских населенных пунктов Республики Крым по численности постоянного населения // Крымский научный вестник. Ялта, 2015. № 6 (6). С. 169-180.
  18. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // Демоскоп: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php
  19. Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. Волгоград, 2009. № 1. С. 177-189.
  20. Оперативные данные по естественному движению населения Республики Крым // Крымстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020(1).pdf)
  21. Баранов А. В. Межэтнические и межконфессиональные отношения народов Крыма в современных условиях: сравнительный анализ массового и экспертного мнения // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции (г. Севастополь, 2-6 июня 2021 г.). Севастополь: Институт востоковедения РАН, 2021. С. 36-39.

A. Baranov

Ethnodemographic processes in rural communities of Crimea: spatial aspect

---

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *The author of the article finds out the trends in the development of ethnodemographic processes in rural communities of the Crimea (1926–2020). The work is based on the constructivist paradigm. Attention is focused on changes in the areas of settlement of the main peoples of the Crimea, the influence of socio-economic and political factors on the ethnic geography of rural communities of the peninsula. The blurring of the area of residence of Ukrainians, a decrease in the level of ethnic mosaic in most rural communities is established.*

Keywords: *ethnodemographic processes, Crimea, rural communities, spatial aspect.*

References

1. Kiseljova N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. N., Formanchuk A. A. Etnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih reshenija. Simferopol': Salta, 2015. 352 p. (in Russian)
2. Balagura O. V., Prokhorov D. A., Tur V. G. Istoricheskie osobennosti i sovremennye problemy etnokul'turnyh i etnopoliticheskikh processov v Krymu. Simferopol': Antikva, 2012. 156 p. (in Russian)
3. Kuzio T. The Crimea: Europe's Next Flashpoint? Washington: The Jamestown Foundation, 2010. 41 p.
4. Jakist' zhittja zhiteliv Krimu ta perspektivi її pokrashhannja v konteksti realizacii strategii ekonomichnogo ta social'nogo rozvitku AR Krim na 2011–2020. Nacional'na bezpeka i oborona. Kiev: Ukraïns'kij centr ekonomichnih i politichnih doslidzhen' imeni Oleksandra Razumkova, 2011. no. 4–5 (122–123). pp. 71–135. (in Ukrainian)
5. Voronin I. N., Ozhegova L. A., Shvec A. B. Faktory i mehanizmy transformacii territorial'noj struktury i haraktera protekanija sociokul'turnyh processov v Respublike Krym i gorode Sevastopole. Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografija. Geologija. Simferopol', 2020. Vol. 6 (72). no. 3. pp. 36–49. (in Russian)
6. Suschhij S. Ja. Demograficheskij potencial i nacional'naja struktura naselenija Kryma: konets XX — seredina XXI veka. Regional'naja ekonomika. Jug Rossii. Volgograd, 2018. no. 4. pp. 139–149. (in Russian)
7. Jakovlev A. N. Kartograficheskoe izuchenie dinamiki etnokonfessional'nyh protivorechij v Krymu. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Simferopol', 2020. Vol. 6 (16). Ussue 3. pp. 314–323. (in Russian)
8. Mamina D. A., Mishhenko D. N. Jetnopoliticheskie faktory vnutrennej migracii v Respublike Krym. Gumanitarij Juga Rossii. Rostov-on-Don, 2020. Vol. 9 (44). no. 4. pp. 137–149. (in Russian)
9. Jakovlev A. N. Osobennosti i geografija sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Simferopol', 2019. Vol. 5 (15). no. 2. pp. 58–66. (in Russian)
10. Donbas i Krim: cina povnennja. V. P. Gorbulina, O. S. Vlasjuka, E. M. Libanovoï, O. M. Ljashenko. Kiev (eds.): Nacional'nij institut strategichnih doslidzhen', 2015. 474 p. (in Russian)
11. Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority?: Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below. Social Science Quarterly. 2015. Vol. 96, Ussue 3. pp. 830–859.
12. Jetnicheskie gruppy i sotsial'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij: Sbornik statej. F. Barta (ed.). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 200 p.
13. Hobsbaum J. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. Saint-Petersburg: Aleteja, 1998. 306 p. (in Russian)
14. Baranov A. V. Mezhjetnicheskie i konfessional'nye otnoshenija molodjozhi v Krymu i Sevastopole (na materialah massovyh oprosov). Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. Astrakhan', 2019. no. 4 (61). pp. 66–73. DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073. (in Russian)

15. Chislennost' i sostav naselenija Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naselenija 2001 g. Vseukrainskaja perepis' naselenija 2001 g. [Electronic resource]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (in Russian)
16. Itogi perepisi naselenija v Krymskom federal'nom okruge. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, pred. redkol. A. E. Surinov. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 p. (in Russian)
17. Kucherov A. P., Suprycheva L. I., Zasukhina V. I. Tipologizacija sel'skih naselennyh punktov Respubliki Krym po chislennosti postojannogo naselenija. Krymskij nauchnyj vestnik. Jalta, 2015. no. 6 (6). pp. 169–180. (in Russian)
18. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 g. Chislennost' naselenija sojuznyh respublik SSSR i ih territorial'nyh edinic po polu. Demoskop: jelektronnyj zhurnal. [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (in Russian)
19. Efimov S.A. Kuda ischezli russkie, ili «soobshhajushhiesja sosudy» jetnojazykovoju samoidentifikacii: Ukraina, 1989–2001 gg. Istorija i sovremennost'. Volgograd, 2009. no. 1. pp. 177–189. (in Russian)
20. Operativnye dannye po estestvennomu dvizheniju naselenija Respubliki Krym. Krymstat. [Electronic resource]. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020(1).pdf) (in Russian)
21. Baranov A. V. Mezhjetnicheskie i mezhkconfessional'nye otnoshenija narodov Kryma v sovremennyh uslovijah: sravnitel'nyj analiz massovogo i jekspertnogo mnenija. Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svjazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (g. Sevastopol', 2–6 ijunja 2021 g.). Sevastopol': Institut vostokovedenija RAN, 2021. pp. 36–39. (in Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2021 г.